

Гузель Агзамова

У ФИМОЧКИ

Москва, 2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А23

Агзамова, Г.

А23 У Фимочки/ Г. Агзамова. — М. : RUGRAM, 2026. — 180 с. — (Уфимочка).

ISBN 978-5-517-13973-3

Сначала мы жизнь торопим, но в какой-то момент жизнь начинает торопить нас. И все в нашей жизни становится скоротечным. Жизнь подобна волне. То закинет на гребень так высоко-высоко, что дух захватывает. А то вдруг шибанет и, кажется, уже надо бы вспомнить самое лучшее в своей жизни и прочитать молитву напоследок. Как бы там ни было, даже трудности не так страшны, если они преодолимы и еще есть вера в то, что та-а-ам в конце тоннеля брезжит лучик надежды. Самое тяжелое, когда часы и минуты на стрелке часов кажутся сломанными. Вот тогда-то время длится долго и не радует. Но, как говорили раньше, какой бы долгой ни была ночь, рассвет наступит. Надо верить в это! И тогда и жизнь перестанет торопить, толкая на обочину. Наоборот, будет дуть теплый попутный ветер навстречу мечте!

Сборник рассказов про героинь разного возраста, про надежду, мечты, любовь, разочарования, романтику и быт вызовет теплую ностальгию.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13973-3

© Агзамова Гузель, 2026
© Еникеева Эльвира, оформление, 2026
© Vi Ray, макет обложки, 2026
© RUGRAM, 2026

От автора

Сначала мы жизнь торопим, но в какой-то момент жизнь начинает торопить нас. И все в нашей жизни становится скоротечным. Вроде только встречали Новый год – а в суете не замечаешь, как он уже остался позади. Ждешь лета, готовишь купальники и шляпы, а уже пора готовить ботинки и теплый шарф. Жизнь подобна волне. То закинет на гребень так высоко-высоко, что дух захватывает. А то вдруг шибанет под девятый вал и, кажется, уже надо бы вспомнить самое лучшее в своей жизни и прочитать молитву напоследок.

Как бы там ни было, даже трудности не так страшны, если они преодолимы и еще есть вера в то, что та-а-ам в конце тоннеля испытания судьбой на прочность брезжит лучик надежды. Самое тяжелое, когда часы и минуты на стрелке часов кажутся сломанными, и ты не знаешь, ждет ли тебя завтра чудо или опять двадцать пять. Вот тогда-то время длится долго и не радует.

Но, как говорили раньше, какой бы долгой ни была ночь, рассвет наступит. Надо верить в это! И тогда и жизнь перестанет торопить, толкая на обочину. Наоборот, будет дуть теплый попутный ветер навстречу мечте!

Не зря говорят, что у каждого человека есть выбор. Конечно, из пункта «Рождение» до пункта «Х» не стоят столбы с указателями «налево пойдешь... направо пойдешь». Указатели – это наше предчувствие и окружение, которое дает нам советы. А как поступить, зачастую право самого человека. Поэтому мы сами авторы своих судеб, как бы это банально ни звучало. Увы, не все становятся нобелевскими лауреатами в области написания сценария своей жизни. Но, как говорится – это то, к чему мы вольно или невольно стремимся.

У меня тоже был выбор в жизни, также как у героинь моих рассказов. Были ли они счастливы? Возможно, кто-то познал счастье быть любимой в какой-то миг, кому-то повезло больше – удалось, несмотря на трудности, прожить в мире и согласии долгие годы с желанным мужчиной. Помимо любви мужчины и женщины, есть еще любовь (или нелюбовь?) матери к ребенку, отца к ребенку. А как часто мы забываем, что надо и себя любить, баловать...

Ведь только любовь способна стать вечным двигателем!

Уютное место

Когда мама приходила перед сном, чтобы пожелать добрых снов и спеть колыбельную, Она всегда любила прижаться к ее груди. Она еще помнила, как мама кормила Ее грудным молоком. Этот сливочный аромат она долго забыть не могла, но в какой-то момент мама ей объяснила, что «пора». Но она договорилась с мамой, что будет по-прежнему засыпать под ее колыбельные, прижавшись к груди, пышной груди, пахнущей самым вкусным молоком на свете. Когда они были полны молоком, то казались такие воздушные и пышные.

Потом Она стала ходить в детский садик. В холодные дни, когда не было отопления в группе, а на улице было холодно, даже теплые пижамы и теплые носки не согревали. И вместо того, чтобы спать, как велели воспитатели (разве уснешь в холод), Она ждала, когда же мама заберет ее из садика. И услышав ее звонкий голос, бежала со всей прыти и утыкалась в грудь. Конечно, груди были под одеждой, но даже так чувствовалось тепло рядом с ними.

Она росла, став взрослой девушкой, продолжала приходить к маме перед сном, либо ждала, когда мама заглянет в комнату, делилась при свете настольной лампы своими радостями и бедами. И затем, опустошив словарный запас, утыкалась в грудь к маме. Это уже были не те пышные формы. Но они по-прежнему были

теплыми и надежными. Как хорошо, что мама не стала наполнять силиконом обвисающие с возрастом груди. Тогда бы не было в них того единственного надежного места, где всегда хорошо.

Годы шли, вот уже и Она мама, но, как и раньше, любит приходить к маме, чтобы поговорить, а иногда просто выслушать ее рассказы о том, как прошел день, что нового произошло за те дни, что не виделись. И иногда незаметно засыпает, прижавшись к груди. Они уже совсем обмякли, появились морщины и на лице мамы. Но, как и прежде, от них тепло не только телу, но и на душе. Ведь это самое уютное место на земле. Самое надежное!

СЕЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

Мамы не мерзнут

Это было в годы войны. Тогда земля была буквально устлана ягодами и грибами. Собранные ягоды люди сушили, продавали в городе, а на вырученные деньги покупали хлеб, чай, мыло, ситец на обновку детям.

Как-то деревенские женщины, собравшись после полудня, решили пойти за ягодами на Ирэндек. Смех, шутки, песни доносились издалека. Только дошли до намеченной поляны, вдруг появились откуда-то тучи и хлынул проливной дождь с градом. Все разбежались прятаться под ветви деревьев, скрываясь от ливня. Маленькая Галима побежала за матерью, которая, сняв с себя камзол, закутала малышку и прижала к груди.

— Мама, а ты не замерзнешь? — спросила девочка.

— Балакайым, матери не мерзнут. Прижмись ко мне, скоро дождь пройдет, — успокоила Гайниямал свою дочь

До своей деревни было верст семь и поэтому озябшие до нитки женщины решили зайти по пути на хутор к леснику.

Увидев их, Газим-бабай сразу взялся разжигать за оградой большой костер из толстых поленьев.

— А ну-ка, все встаньте вокруг костра и сушитесь, — велел старик и побежал разогревать самовар.

Увидев Галиму, дед поднял ее на руки и спросил – не замерзла ли?

– Нет, не замерзла, мне мама дала свой камзол. Оказывается, мамы не мерзнут.

– Да, дочка, мамы не мерзнут...

А мясо-то после варки уменьшается

Это было в пятидесятых годах. На колхозные работы по прополке, сенокосу и уборке урожая выходили все колхозники. На полеводческом стане не готовили обед и ужин, чтобы колхозникам не надо было тратить времени на дорогу. Обычно бригадир ставил старшей по кухне Латифу и двух молодых женщин в помощницы. Латифа была женщина, которую даже мужики боялись. Она никакой работы не чуралась. Если выходила на покос, то за ней не могли угнаться даже здоровые мужчины. А бидон молока на ферме поднимала без особого усилия. А уж какой она готовила суп на полеводческом стане... Лапша, нарезанная ее рукой, была тончайшей и никогда не разваривалась. Лепешки были настолько вкусными, что ребятня приходила на поле, чтобы выклянчить у тети Латифы парочку. Они были и сытные, и вкусные, с пылу с жару испеченные. Все хвалили Латифу, всех она устраивала. Лишь Юнус с дальнего конца деревни брюзжал, узнав, что опять старшей по кухне будет Латифа.

Несмотря на свою худобу и маленький рост, Юнус был прожорливым, успевал тарелку супа уплести настолько быстро, что некоторые даже пару ложек не успевали зачерпнуть, а если кто-то не доедал, особенно в жару горячий бульон плохо шел, то Юнуса уговаривать не приходилось, мог и за других доесть. А как он любил мясо!

— Ой, Юнус, как в тебя столько влезает? Сам с ноготок, а ешь, как будто медведя поборол, — смеялась над ним Латифа, когда он просил добавки, задерживаясь дольше всех за столом на поле.

— Ай, Латифа-апай, разве можно так надо мной так? Я же трудился, сил нет, а если поем, может и работать смогу.

— Ну что ж, ешь-ешь, только не лопни, зашивать нечем, иголку забыла дома!

Юнус часто допекал Латифу, что та ему не докладывает мяса, мол:

— Латифа-апай, я бригадиру скажу, что ты норму уменьшаешь на меня, не по росту ведь норма, а на человека выделяется мясо с фермы. Слушай, а может, ты мясо домой носишь, пока мы в поле трудимся? Смотри-ка, тебе бригадир приносит целый таз мяса, а ты на стол ставишь чуть ли не вдвое меньше. Явно колхозным мясом родных кормишь, — заявил как-то при всех за обедом Юнус, оглядев, что все свои тарелки опустошили, и ему добавки не перепадет.

— Ай, хай, не стыдно тебе такое мне говорить, я целый день от костра не отхожу, варю,